

Благодаря моему участию, весь Хаффлпафф наполнился чудесной атмосферой рассказов в духе "моя мама/папа/дедушка/бабушка рассказывали мне о прошлом...". Особенно это касалось тёмных историй и эмоциональных сплетен о профессорах, а также обсуждения того, что не так с профессором Наппом... Ну, конечно, это всё подхватили. Однако, из-за участия некоего "спасителя", я не стала слишком распространяться, но всё же смогла получить информацию с более справедливого и светлого ракурса. Лили Поттер, в девичестве Эванс, имела такие же рыжие волосы, как у меня. – У тебя та же фамилия, что и у матери Гарри Поттера, такие же волосы, и его мать была магглорождённой... Вы родственники? – осторожно спросила меня Линда. Я ничуть не обиделась и просто кивнула: – Должно быть. Я попросила профессора МакГонагалл помочь мне это выяснить. – Вау, значит... – Это то, о чём ты подумала. Но, Линда, Гарри Поттер, о котором ты говоришь, – мой двоюродный брат. Да, но он тоже ребёнок, потерявший родителей, как и я. Я всегда считала, что Гарри, выросший у Дурслей [эта фамилия звучит иронично], остался неизменным и действительно чистым, в отличие от Волдеморта... Этот парень... – Могу ли я увидеть его, моего двоюродного брата? Я пришла в кабинет профессора МакГонагалл на перемене. Я не рассказала профессору Спраут об этом, потому что именно профессор МакГонагалл помогла мне узнать о моём родстве, так что было логично обратиться к ней. – Я уже знала, что он – Гарри Поттер. Я посмотрела в глаза профессора МакГонагалл и вздохнула: – Как и я, ребёнок, потерявший родителей. Он удачливее меня – у него есть тётя, которая его приютила. Я заметила, как профессор МакГонагалл сжала губы и выдохнула: – Нет, мне жаль, дорогая. – Ничего страшного. Тогда могу я отправить ему письмо? По почте. ... Я никогда не думала о том, чтобы встретиться с Гарри Поттером так рано. Главной целью было просто наладить общение. Однако, если это тоже будет отвергнуто, я начну думать о более обычных методах. Нет телефона. Я знаю адрес его тёти, но дело в том, что... Если бы мне было двадцать один, я могла бы забрать его к себе через обычные юридические средства, особенно учитывая, что его мать носила фамилию Эванс, как и я. Это было бы вполне осуществимо. Однако мне всего одиннадцать лет. В этом мире я всего лишь одиннадцатилетняя ученица. Учителя всегда относятся к ученикам с некоторым недоверием, не из-за возраста, а из-за незрелых методов и неубедительного исполнения планов. Моя задача – избавиться от этого недоверия, а также... Меня вызвали на чаепитие к самому главному в нашей школе – директору, профессору Дамблдору. В глубине души я не считаю, что профессор Дамблдор – это директор, который читает мысли и говорит только правду. Он противоречивый человек, но всё же любящий старший, который заботится обо всей школе. Он сказал, что если хотя бы один человек не хочет, чтобы я уходила, то я не считаюсь покинувшей Хогвартс. А сколько людей не хотели, чтобы он ушёл, когда он упал с башни? Весь Хогвартс не хотел, чтобы он уходил. Теперь этот старый пчеловод... Нет, директор смотрит на меня доброжелательно, с лёгким любопытством, что делает его более живым и приятным. – Мисс Эванс... Когда я произношу это имя, всегда чувствую лёгкое удивление. – Да, я тоже так думаю. – Кофе или чай? – Чай, с молоком и без сахара, спасибо. Я протянула руку и взяла чашку чая с молоком, сделала глоток и обнаружила, что он всё же немного сладкий. Это сделало меня более комфортно. Директор подмигнул, заметив, что я это поняла: – Я подумал, что маленькой девочке будет приятнее пить что-то сладкое, разве нет? – Да, директор, мне очень нравится. Щедро сделав два глотка, я поставила чашку и спокойно посмотрела в его голубые глаза: – Я не хочу притворяться перед вами, директор. – Да, ты не притворялась перед профессором МакГонагалл и естественно использовала свои возможности, чтобы узнать то, что тебе нужно. Это мудрость взрослого, а также очень изящный поступок, который, кстати, сломал суровое выражение лица Северуса. ... В последнее время маленькие барсуки смотрели на Снейпа с полным пониманием и чистой добротой, как бы говоря: "Профессор, мы всё знаем, мы всё понимаем". К сожалению, из-за сплетен он даже перестал снимать очки с Хаффлпаффа, и его лицо выражало сильную связь между учителем и учениками: "Мы всё знаем, неважно, сколько очков вы снимете, мы всё равно любим вас, профессор". Что касается меня, то тут и говорить нечего. Каждый раз, когда я смотрела на него, я напоминала себе не выглядеть так,

будто "слышу, как капли дождя падают на зелёный луг". Поэтому я была сдержанной и вежливой, и даже получила очки на уроке зельеварения. – Ты хочешь встретиться с Гарри? – Я думала об этом некоторое время. Я хочу встретиться с тётей и дядей, а если возможно, и с другими родственниками. – Понятно. – Да. Профессор МакГонагалл, конечно же, расскажет всем преподавателям обо мне, включая такие детали, как мой возраст – двадцать один год. Я не вижу в этом ничего плохого, это просто делает меня немного спокойнее. Ведь я ничего не замышляю, искренность и прямота – мои лучшие объяснения. – Думаю, да, но... – Но? – Как всё будет летом? В мире магглов. – Конечно, почему бы и нет? Я подняла брови, будто не веря своим ушам: – Не говорите, что я сейчас не пойду на уроки и не скажу ему: «Привет, я твоя давно потерянная кузина, а это моя тётя, рада тебя видеть, я внучка твоего дяди. Она всё ещё ведьма?» Вы делаете это, не зная конкретной ситуации в их семье. Директор, вы так... не умеете чувствовать атмосферу? – ...Честно говоря, я никогда не ожидала, что, попав в мир магии, я не дам пощёчину профессору Снейпу, а сначала влеплю её директору. Слушая откровенный смешок портретов за его спиной, я почувствовала, что тоже начинаю терять равновесие. – Кхм, простите. – Всё в порядке, вы правы, это действительно... очень невежливо. Директор Дамблдор, безусловно, хороший человек, и даже после такого унижения он остаётся добрым. – Если у вас уже есть свои идеи, я доверюсь вам. – Доверитесь мне? – Я думаю, мисс Эванс заслуживает моего доверия в этом вопросе. Но, пожалуйста, не забирайте Гарри, он будет в безопасности только в доме своей тёти, и его не найдут. Мне кажется, что директор Дамблдор, говоря это студентке, да ещё и наполовину чужой, действительно очень мне доверяет. Я и не собиралась забирать Гарри Поттера, просто решила дожидаться летних каникул и отправить письмо тёте Петунии через детский дом или что-то вроде того, чтобы хотя бы оставить впечатление: «У вас есть родственница». Нравится ли я ей или нет – это уже её дело. – Однако, директор Дамблдор, как вы думаете, смогу ли я, одиннадцатилетняя, забрать девятилетнего? – Пфф, ха-ха-ха-ха, простите, Дамблдор, дайте мне вернуться и посмеяться ещё немного, ха-ха-ха-ха. Как будто какой-то переключатель был нажат, портреты на стене за спиной директора начали смеяться как сумасшедшие, и на какое-то время кабинет наполнился весёлой атмосферой. – Очень остроумно, мисс Эванс. Когда портреты наконец успокоились, директор передо мной казался на десять лет старше, кашлянул и вздохнул: – Хорошо, похоже, у вас уже есть планы. Вам всё ещё нужна чашка горячего какао, чтобы помочь уснуть? – Нет необходимости, дорогой директор Дамблдор. Я встала и слегка поклонилась ему: – Спасибо за защиту Гарри. – Это не моя защита... – Нет, вы защитили его. Он защищал мальчика снова и снова, с самого начала и до конца. Он всегда следовал своим внутренним принципам и одновременно был полон любви к ученикам, защищая весь Хогвартс от влияния любых сил – вспомните пятый курс в Ордене Феникса, как Министерство магии терзало Хогвартс. – Спасибо. Вы – величайший директор. Автор хотел бы добавить: Пожалуйста, помните, что даже самые застенчивые студенты интересуются сплетнями о преподавателях, правда [..И Дамблдор не чёрный, не такой уж белый, но он определённо не чёрный. Он сделал весь Хогвартс чистой и незапятнанной землёй – даже на пике могущества Волдеморта ни один ребёнок не был отмечен как Пожиратель смерти, и Хогвартс не был под контролем Министерства магии – просто посмотрите на пятую часть. Он изо всех сил старался сделать Хогвартс башней из слоновой кости. Хотя он чувствовал, что Хогвартс разделен из-за некоторых упрямых идей, сам он, как директор, был превосходен и велик. Что касается Гриффиндора и Слизерина... Я не видела, чтобы Малфоя превратили в горноста, а поддельного Грюма, кроме некоторого злорадства, большинство студентов считали, что профессор поступил неправильно? Все всё прекрасно понимают, ладно? → _ → Не очерняйте никого, Фу не отбеливается, нет носа – значит, нет носа, даже если у меня останется только один вздох, я скажу, что у Фу нет носа [Эй.